

Коммерсантъ - 2000 - 14 окт. - с. 9

Смертельный номер для фортепиано с оркестром

В Большом зале консерватории состоялся концерт Российского национального оркестра (РНО) с участием Михаила Плетнева в качестве пианиста и свердловчанина Дмитрия Лисса в качестве дирижера. Программа не оставляла сомнений в том, что концерт связан со смертью. Однако окончательно укрепиться в этой мысли было бы все-таки ошибкой.

Из сонма сочинений, благородно обыгрывающих тему смерти, плетневцы выбрали одно культовое («Вступление и смерть Изольды» из оперы «Тристан и Изольда» Вагнера), одно амбициозное («Дон-Жуан» Рихарда Штрауса), одно без пяти минут народное (Второй фортепианный концерт Ференца Листа) и одно раритетное (симфонический парафраз на тему Dies Irae того же Листа).

Участие понимающих друг друга с полуслова Михаила Плетнева и Дмитрия Лисса (последнему пришлось срочно мчаться сюда из Испании, где сейчас гастрольрует его оркестр екатеринбургской филармонии) дополняло тему интригой отношений между дирижером ясно-го, объективного склада и солистом, склонным к радикальному анализу романтической музыки. Разумеется, объектом их диалога был оркестр, который поднял симфонический материал с одной репетиции. Правда, с треском.

Усилия дирижера и музыкантов никак не складывались в общую сумму. Вместо колышущейся роскоши пауз и завихрений («Смерть Изольды»), взбиваемых дирижером до состояния фирменного вагнеровского пудинга, тембры выстраивались плоско, как солдаты на плацу. Штраусовский «Дон-Жуан» то-

же звучал на грани. Из каждого соло и эпизода в первую очередь считывалась тривиальная задача инструментов: вовремя вступить и «выключиться». Темпы, такие, что дай бог успеть, окончательно отвлекли музыкантов от звука. Скрипок хронически не хватало. Виолончельные соло хрипели, в артикуляции духовых (особенно меди) было слышно, как им не хватает воздуха.

К счастью, материализованная оркестром агония пришлось на первые номера обоих отделений. Вторые, заключительные, предусмотрительно укомплектованные Михаилом Плетневым и Ференцем Листом, целиком перевели внимание зала на музыку, вернее, на ее интерпретацию. Мало сказать, что Плетнев тут солировал. Он лидировал. С одной стороны, он полностью соответствовал виртуозным задачам листовской музыки, с другой — столь же едко насмехался над Листом.

Воспользовавшись недалекой исторической ретроспекцией, Плетнев вспомнил (а заодно напомнил и публике), что Второй концерт Листа был едва ли не самой заезженной фонограммой для радостных кинохроник про «советские будни». Главное и единственное состояние его игры — залихватски обыгрываемая помпезность временами соскальзывала в лирику. Самым смешным оказался парафраз на тему Dies Irae. Полное отсутствие композиторской мысли, пустопорожняя эстрадность одной из самых страшных канонических мелодий, прозвучали роскошной карикатурой не только на Листа, умевшего провоцировать аплодисменты самыми банальными способами, но и на нынешних музыкальных кумиров.

ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ